

первое условие — говорить одним и тем же языком!

Да кроме того частое употребление иностранных слов может иметь и иного рода последствия, не менее вредные. Большая сознательная часть рядового казачества просто отталкивает такого рода „непонятные слова“ и не обращает на них (а заодно и на произносящих их) никакого внимания. Но некоторые менее сознательные — подхватывают их, зачинают — не понимая смысла — иногда коверкают и вклеивают в свою речь, по большей части „ни к селу, ни к городу!“ В виде подтверждения позволю себе привести несколько случаев из собственного опыта. —

В станичное правление заходит казак и обращается к станичному атаману с какой-то просьбой, которая не относится к числу дел, ведаемых атаманом. Выслушав просителя, он отрицательно качает головой и говорит:

— „Ні! Я у цьому ділі не спектакль!.. А ти будь зо мною ворадвалінее“ (!).

Другой случай, так же достаточно интересный. —

От станичного правления отъезжает очередная тачанка с проезжающим. Старый дід озабоченно смотрит вслед и кричит ямщику:

„Гляди, не бий коней, бо злякаються!“

Немного погодя проезжий, глядя на лоснящиеся крупы лошадей, одобрительно замечает:

„Хорошие у вас лошади!“

Ямщик важно кивает головой и говорит:

„О, у нас коні релігійозні!“

Я думаю, что этих примеров достаточно. Хорошего в такого рода бессмысленном повторении непонятных слов мало. А виноваты в первую голову казачья интеллигентность, не думающие о том — понятна их речь народной массе, или нет.

Остерегайтесь же, господа казаки-интеллигенты, в особенности молодежь. Никогда не забывайте о том, что каждый настоящий казак-интеллигент — первый слуга Казачества. Следите за своей речью при разговорах с рядовыми казаками, следите за тем, чтобы они всегда ясно понимали вас!

Белград. 19-X-1929.

Казак Шелест.

Проснитесь.

Вставайте, вы братья — кубанец, герец и донец! Пора нам, родные, отказаться от горячки партийных дряг. Неужели еще нам не слышны тяжкие стоны родимых краев, что там уже так много погибло в борь-

бе за свободу сынов?.. Иль наши сердца огрубели в бесплодных партийных счетах? Иль, сидя в Европейском затишье, забыли отцовский завет? Давно уже время встряхнуться, отбросить партийный хлам и всем воедино собраться под казачий свой пернач, и вместе взяться за дело всем, кто на что горазд. И знайте, что этим поможете там братьям сбросить красный гнет.

Г. Коалов.

5 сент. 1929 г.

Могила героя.

Где бурные волны порою у Крыма зловеще бурлят, где казачьих же мало героев погибло на бранных полях за веру, отчизну, святыни, там в бедном наряде простом хранит Севастополь и ныне могилу с убогим крестом.

Сраженный шрапнелью на брани, лежит в ней Бабиев герой, казак он душой, сын Кубани, бесстрашный в боях, любя строй, отчизне служил много годы, казачью нужду испытал и во дни житейской невзгоды за родную жизнь отдал.

Но в день его ранней кончины, лишь год наступает по ней, бушуют морские пучины, гром пушек и топот коней. И шум сей в могилу доходит, военный гремит ураган, герой из могилы выходит, идет на Малахов курган.

Он в черном казачьем мундире, в сторону взглянув палачей, зовет он лыхих командиров, хор певчих, своих трубачей, и гибкою шашкой сверкая и буйной встряхнув головой, вдруг видит: из южного края дивизия мчится на правый, решительный бой.

Уж красная гремит батарея, в ответ им несется: „ура!“ Настала для красной ватеи решающей схватки пора. Бушует атака лихая, раздолья широкий простор, коней лишь свободно пуская и шашками всюду сверкая, сметают там красные повор.

В сей битве жестокой, неравной смерть никого не щадит. Как прежде, дивизией славной гордится герой и следит... Вот дрогнули красные, дивизия пушки берет. Вдруг раздается команда: „дружнее, ребята, вперед!“

Но... не выдержал, видно, герой... В дни бури, невзгод, бездорожья, команду, как прежде подал потомкам лихим Запорожья и с болью сердечной сказал:

— Эх, где ты, минувшее время?! и мне погулять бы пора, но это могильное бремя навеки сковало меня! Быть хочется прежним... но, поздно могила ведь ждет!.. Он топнул сердито ногою, обратно в могилу идет.

Франция, 27 сент. 1929.

И. С. Без-ний

Казачья эмиграция.

Калмыцкому народу ко дню освящения храма в Белграде.

Тяжело вспомнить то, что было, славный Калмыцкий народ!.. Тяжело! Ибо знаешь тот чудовищный гнет, что, надвигаясь на степь, закрыл солнце собой и с грязью смешав, опоганил наш край дорогой! Вспомни, Калмыцкий народ, как по просторам несся, сатана в одеянии красном, не щадил ни людей, ни живья! Вспомни: кибитки-дома, отары овец, табуны лошадей. Где все это?

Все поглотила собой, крови олившись, стая зверей! А вспомни, как отступали. Вон... налетели на едущих мирно, как черти: и гибли деды, гибли матери — жены и с ними невинные дети... А дальше?.. Чужие края. Жизнь без средств. Погибли, казалось. Нет! В Бога крепкая вера целой осталась! Эту бесценную ценность сумел ты в душе сохранить и она лишь одна в силах от всякого зла тебя оградить!

Ты верил, молился и Бог за тобою следил, и молитва твоя до Бога дошла и Он тебя не забыл! С Богом беседовать можно везде, лишь бы с чистой душой! Но лучше в том месте, где мир тишина и покой! Это

место святое! Оно Божьим храмом зовется! Когда молвишься в нем, к Богу молитва быстрее несется! И ты счастлив, Калмыцкий народ! На чужбине ты дом Бога создал! Крепка твоя вера! В этом деле сам Бог тебе помогал!

А. Золотов.

Клавдий Петрович Романенко.

Мне пришлось познакомиться с этим удивительно способным и любящим технику офицером в городе Осиеке в Югославии.

Молодой человек, тридцати трех лет не показывающий своим видом ничего выдающегося, при первой встрече он не произвел на меня никакого впечатления и только после того, когда я приютил его, как казака, мне пришлось из его слов узнать, что он офицер в чине есаула, по заграничной профессии — моторист; хотел бы найти себе место по своей профессии.

Биография его проста, но занимательна. Кубанский казак. Сын полковника, командира пластунского батальона. Родился в городе Майкопе. Еще с детства страшно любил технику, но, вопреки своим желаниям, принужден был идти учиться в Тифлисский кадетский кор-